

Всю дорогу Цинь Чжэньюй не сводил глаз со спутника, пытаясь понять, почему Ши Яньжу так молчалив и отчего на его лице застыло такое пасмурное выражение.

Что у него на уме? И имеет ли это хоть какое-то отношение к нему самому?

До самого приезда Цинь Чжэньюй так и не решился задать мучившие его вопросы.

Едва машина остановилась, как ждавший у ворот Кун Цинлинь тут же подскочил и утащил Ши Яньжу прочь.

Тот в недоумении уставился на него:

— Что с тобой? Лицо кислее лимона, кто тебя разозлил?

Кун Цинлинь сердито сверкнул глазами, но, наткнувшись на светлое, красивое лицо Ши Яньжу, не смог продолжать злиться. Он ткнул пальцем ему в грудь:

— Хотя немного о себе подумай! Ты вообще соображаешь, с кем связался? Гулять с таким, как Цинь Чжэньюй — это же верная гибель.

Ши Яньжу глубоко вздохнул и принялся убеждать Кун Цинлиня не придирается к Цинь Чжэньюю.

Тот лишь для вида покивал, в душе же пообещал себе припомнить Цинь Чжэньюю всё до последней капли.

Вечером Нань Ань жестом велел Сун Цзыхуа звонить.

Тот замялся:

— Малыш, неужели обязательно? Цинь Чжэньюй не настолько глуп, ты слишком много переживаешь.

Нань Ань остался непреклонен:

— Звони. И скажи всё в точности так, как я велел. Если хоть слово перепутаешь — будешь спать в гостиной.

Сун Цзыхуа тут же выпрямился. Холодная война между супругами — вещь недопустимая. Ну что ж, раз надо позвонить, он позвонит.

Когда Цинь Чжэньюй поднял трубку, голос его звучал холодно. Кун Цинлинь всё время оттеснял Ши Яньжу, не давая им поговорить, и Цинь Чжэньюй уже решил, что рано или поздно вышвырнет этого назойливого типа из виллы.

— Что нужно? Говори.

Недовольство в его голосе было почти осязаемым.

Сун Цзыхуа взглянул на Нань Аня, тот легонько пнул его под столом.

— Чжэньюй, — негромко начал Сун Цзыхуа, — ты действительно уверен, что твои чувства к Ши

Яньжу — это любовь? Я знаю тебя со средней школы, и, если память мне не изменяет, у тебя никогда не было отношений. Как ты можешь быть уверен, что это настоящее чувство?

Цинь Чжэньюй нахмурился, в голосе прорезался лед:

— К чему ты клонишь?

Он не идиот, неужели не способен отличить любовь от простого увлечения?

Сун Цзыхуа жестом попросил Нань Аня подождать и, усмехнувшись, спросил:

— Тогда скажи, за что именно ты его любишь? Ты ведь хочешь добиться его расположения, так? Мне нужно знать подробности, чтобы помочь тебе как следует.

Цинь Чжэньюй счел разговор бессмысленным, но трубку не повесил.

За что он любит Ши Яньжу?

Когда именно он к нему привязался?

— Помнишь фото, которое Инь Цзыфа скинул в чат? Где Яньжу сидит у уличного лотка, ест шашлыки и опустив голову, улыбается. Когда я увидел эту улыбку, внутри меня словно закричал голос: этот человек должен принадлежать мне.

Сун Цзыхуа помрачнел и выпрямился:

— И ты называешь это любовью?

Уловив в голосе друга шок, Цинь Чжэньюй удивился:

— Что не так? Я хочу обладать им, разве это не любовь?

Сун Цзыхуа наконец понял, почему Нань Ань заставил его позвонить. Тот давно раскусил, что чувства Цинь Чжэньюя — не любовь, а болезненная одержимость.

То, что он говорил Ши Яньжу днем, было не совсем выдумкой. В детстве Цинь Чжэньюй пережил серьезную психологическую травму, из-за чего у него развилась патологическая тяга к обладанию вещами: он скорее уничтожит свое имущество, чем позволит кому-то до него дотронуться. Если кто-то касался его вещей, он считал их грязными и безжалостно избавлялся от них.

Сун Цзыхуа тихо кашлянул:

— Давай проведем аналогию. Если однажды Ши Яньжу кто-то испачкает, что ты сделаешь? Не раздумывая, скажи первое, что придет в голову.

Цинь Чжэньюй крепче сжал телефон. Первой мыслью, промелькнувшей в голове, было уничтожить Ши Яньжу.

Наступило молчание. Сун Цзыхуа заговорил серьезно:

— Ты хочешь его уничтожить, верно? Как те любимые игрушки, которые ты выбрасывал, стоило кому-то их коснуться. Ты не любишь Ши Яньжу, ты даже не считаешь его человеком —

для тебя он просто вещь, игрушка. Ты хочешь обладать им так же, как хотел обладать теми игрушками. В тебе нет любви, только извращенная собственническая страсть. Завтра я приеду. У тебя серьезные проблемы с психикой.

Сун Цзыхуа тяжело вздохнул. Возможно, это расплата за то, что он играл с Ши Яньжу. У Цинь Чжэньюя были признаки шизофрении, он действительно сходил с ума.

Цинь Чжэньюй не стал дослушивать — со всей силы швырнул телефон об пол, схватился за волосы и, шатаясь, побрел в ванную, чтобы окунуться в ледяную воду.

Как он мог подумать об уничтожении Ши Яньжу? Если его не станет, он больше никогда его не увидит. Больше не услышит его голоса, не увидит его улыбки.

Откуда взялись такие мрачные мысли? Сун Цзыхуа прав: он болен. Разве нормальный человек стал бы желать смерти любимому?

Телефон был разбит, но голос Сун Цзыхуа продолжал звучать в ушах:

— Ты не любишь его.

— Ты считаешь его игрушкой.

— В тебе только собственничество.

Сун Цзыхуа услышал грохот и понял, что Цинь Чжэньюй разбил телефон. Он поднял взгляд на Нань Аня:

— Мне следовало заметить это раньше. Ши Яньжу описывал приступы Цинь Чжэньюя, а я думал, что тот просто пугает его, и не придавал значения. Теперь понятно: с его характером он не стал бы притворяться. Его психика давно дала трещину. Если Ши Яньжу погибнет, я стану косвенным виновником его смерти.

Нань Ань погладил его по волосам:

— Хорошо, что ты понял это сейчас. Ши Яньжу неплохой человек, совсем не такой, как о нем говорят.

Сун Цзыхуа вдруг поднял голову, его глаза блестели:

— Я понял, почему он так помешан на Ши Яньжу! Цинь Чжэньюй с детства любил всё чистое и невинное. Ты видел фото Инь Цзыфа? У Ши Яньжу глаза такие ясные, как у тех коллекционных кукол, что собирал Чжэньюй. Это и пробудило его собственнические инстинкты.

Нань Ань, конечно, видел те фотографии — именно из-за них он и проникся симпатией к Ши Яньжу.

Сун Цзыхуа вдруг побледнел и схватил Нань Аня за руку:

— Ты помнишь те куклы?

Те фигурки Цинь Чжэньюй рисовал сам и лично следил за процессом их изготовления. Он называл их самыми чистыми вещами на свете.

Нань Ань перевел дыхание:

— Однажды босс разозлился и разбил их все вдребезги. Даже целых суставов не осталось.

Сун Цзыхуа метался по комнате:

— У него с детства странный характер. Он разбил их не потому, что был зол, а просто потому, что захотел. Он считает Ши Яньжу своей куклой: пока он его ценит, он будет его беречь, но стоит его душе омрачиться — он захочет уничтожить его в ту же секунду.

Сун Цзыхуа знал, насколько параноидален Цинь Чжэньюй: временами ему казалось, что в мире вообще не должно существовать ничего чистого, и тогда он уничтожал свои сокровища.

Нань Ань успокоил его:

— Не паникуй. Ситуация может быть не такой безнадежной. Завтра встретимся с ним. Если подтвердится, что он воспринимает Ши Яньжу как куклу, мы должны принять меры.

Ши Яньжу — живой человек, а не вещь, за которую никто не спросит.

На следующее утро Ши Яньжу, спустившись вниз, увидел на диване Сун Цзыхуа и Нань Аня, а рядом — мрачного Цинь Чжэньюя.

— У вас тут собрание? Почему такие лица, будто компания разорилась?

Цинь Чжэньюй молча сверлил его взглядом. Ши Яньжу стало не по себе.

— Обсуждайте, а я пойду в мастерскую, — сказал он, схватил пару бутербродов и пулей улетел вверх.

Взгляд Цинь Чжэньюя был слишком странным. Неужели приступ возвращается?

Когда Ши Яньжу ушел, Цинь Чжэньюй полулежал на диване:

— Уходите. Я буду лечиться, даже если придется принимать препараты.

Сун Цзыхуа был ошеломлен. Цинь Чжэньюй всегда считал свою паранойю чертой характера, а не болезнью, и яростно отвергал лечение. Неужели он согласился ради Ши Яньжу?

Возможно, вчера он был слишком категоричен: у Цинь Чжэньюя есть тяга к обладанию, но любовь там тоже присутствует.

После того как гости ушли, Цинь Чжэньюй просидел внизу до самого прихода Кун Цинлиня.

Кун Цинлинь, увидев, что Ши Яньжу нет, решил, что это отличный момент. Он подошел к Цинь Чжэньюю:

— Я знаю, что у тебя на уме. Советую оставить эти мысли. Ши Яньжу не для твоих рук.

Цинь Чжэньюй открыл покрасневшие глаза и уставился на него расфокусированным взглядом. Кун Цинлинь отшатнулся, испугавшись безумного выражения его лица.

— Что, по-твоему, у меня на уме? — голос Цинь Чжэньюя был хриплым и слабым.

Кун Цинлиня прошиб холодный пот. Почему-то нынешний Цинь Чжэньюй казался еще опаснее, чем когда он был в ярости.

Держась на безопасном расстоянии, Кун Цинлинь прошипел:

— Не прикидывайся. Ты смотришь на него с такой грязью в глазах, что тошно. Ты ведь хочешь с ним что-то сделать. Презираю таких трусов.

Цинь Чжэньюй прищурился. Он чуть было не поддался на уговоры Сун Цзыхуа, хорошо, что вовремя опомнился. Он вовсе не считает Ши Яньжу куклой.

Он вдруг встал и с улыбкой сказал Кун Цинлиню:

— Раз ты хочешь знать — я признаюсь. Ши Яньжу будет моим. И никто мне не помешает.

Кун Цинлинь, взбесившись, бросился в драку. Цинь Чжэньюй упал на диван, вытер кровь с губ и снова поднялся:

— Это всё, на что способен ты, просадивший жизнь в загулах? Жалкий ничтожество.

Кун Цинлинь, привыкший к вседозволенности, не стерпел оскорбления. Видя, что Цинь Чжэньюй шатается, он толкнул его и начал пинать ногами.

Цинь Чжэньюй нарочно смахнул вазу и упал на острые осколки.

Яркая кровь напугала Кун Цинлиня. Как бы он ни хорохорился, он был всего лишь первокурсником и никогда не видел ничего подобного.

Ши Яньжу, услышав шум, решил осторожно глянуть, что происходит. Если это очередной приступ, он немедленно запрётся в своей комнате.

Увидев на полу пятна крови, он побледнел и бросился вниз:

— Чжэньюй! Как ты? Ты слышишь меня?

Неужели он умрет?

Если Цинь Чжэньюй умрет, изменится ли судьба Ши Яньжу?

Опомнившись, Ши Яньжу выругал себя за бесчеловечность. Цинь Чжэньюй при смерти, а он думает лишь о задании.

Это настоящий мир. Цинь Чжэньюй — живой человек, а не набор данных и не бездушный NPC.

<http://bllate.org/book/22176/2310492>